

Из педагогического наследия

Под покровом Царицы Небесной

АНИСКОВИЧ Л. И.

Екатерину Константиновну Грачёву (тётю Катю) можно смело назвать первым русским педагогом-дефектологом. С её именем связана история приютов для слабоумных детей в России. Ей принадлежит заслуга в создании первых в России учреждений и первой школы для глубоко умственно отсталых детей, а также в издании первых руководств по работе с ними. Почти сорок лет своей жизни она отдала делу обучения, развития и воспитания детей-страдальцев. Бескорыстный подвижнический труд Ека-

терины Константиновны, сумевшей, не имея специального образования, создать эффективную методику воспитания и развития детей с ограниченным интеллектом и расстроенной психикой, практически предан забвению.

Екатерина Грачёва родилась в ноябре 1866 года в Санкт-Петербурге в обеспеченной семье биржевого маклера Константина Петровича Грачёва.

Её отец был глубоко верующим человеком, тяготившимся светской жизнью. Мать, урождённая Алиса Граф, происходила из древнего дворянского немецкого рода. Она была лютеранкой и, в отличие от мужа, стремилась к светской жизни и развлечениям. У неё было слабое здоровье, много лет она страдала астмой и чахоткой.

Жила семья в Санкт-Петербурге, у церкви Введения в храм Пресвятой Богородицы (она не сохранилась), на Петербургской стороне.

Когда Кате было 4 года, две её старшие сестры умерли от дифтерии, и она осталась единственным ребёнком в семье. Образование Екатерина получила в пансионе.

Супруги Грачёвы мечтали о сыне. 3 декабря 1876 г. появился на свет брат Екатерины Николай. Мать, ожидая сына, потеряла интерес к светским развлечениям и решила принять православие. При крещении она взяла имя Александра и стала Александрой Петровной.

В этом номере редакция открывает новую рубрику «Из педагогического наследия», в которой будут представлены отдельные работы выдающихся деятелей российской и зарубежной специальной педагогики.

В следующем номере журнала будут опубликованы лекции известного русского педагога Екатерины Константиновны Грачевой (1866-1934), отдавшей много сил обучению и воспитанию детей с тяжелыми интеллектуальными нарушениями, организатору первых в России учреждений и первой школы для глубоко умственно отсталых детей. Как и Марии Монтессори, Е.К. Грачевой удалось создать эффективную методику воспитания и развития детей с интеллектуальными нарушениями, подготовить одно из первых в России руководств по работе с ними.

Николай Грачёв родился семимесячным ослабленным и болезненным ребёнком. Сестра стала его крёстной матерью.

До пяти лет мальчик не ходил, он практически никогда не бывал здоров – одна болезнь сменяла другую; помимо прочего, у него периодически случались припадки в виде конвульсий.

Умственно Николай развивался хорошо. В пять лет он уже говорил по-французски, у него проявились способности к рисованию. С раннего возраста он очень серьёзно относился к религии.

В 1886 году родители Екатерины и Николая скончались: отец – 18 октября от болезни сердца, мать – 13 ноября от чахотки. Похоронили их на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга (могилы их сохранились).

Дела Константина Петровича, отца Кати, перед его смертью пришли в упадок. На двадцатилетнюю Екатерину свалились заботы о больном мальчике, хозяйство и хлопоты по наследству. У Николая в результате пережитых волнений стала развиваться эпилепсия.

Продав богатую обстановку родительского дома, Екатерина с братом переехали на Большую Белозерскую улицу, 1 в маленькую квартиру в двухэтажном деревянном доме, состоящую из одной перегородженной комнаты и кухни. Сестра полностью посвятила себя уходу за больным мальчиком, занялась его лечением и обучением. Она обращалась по поводу болезни брата ко всем медицинским светилам, в том числе и к знаменитому в то время П.А. Бадмаеву. Однако все они разводили руками, а Николаю становилось всё хуже и хуже. Профессор И.М. Балинский, основатель кафедры психиатрии в Петербурге при Военно-медицинской академии, предсказал Коле паралич и скорую смерть.

Екатерина, отчаявшись, попыталась поместить брата в лечебницу, но её попытки так и не увенчались успехом – ни в одно учреждение Колю не приняли. «Если мне даже за плату некуда было поместить больного брата, – писала она, – то что должны были испытывать бедняки, имея таких несчастных детей».

В ноябре 1890 года у Николая Грачёва отнялись ноги и руки. Он стал быстро угасать и в конце месяца причастился. В ночь перед днём его рождения с ним случился сильный припадок, после чего ему было видение Богородицы и святителя Николая. По рассказу Коли, Богородица обратилась к нему с такими словами: «Поезжай в часовню, где упали монеты, шестого числа ты исцелишься, но ранее никому не говори».

Чудотворная икона с образом Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (с грошиками) находилась в Скорбященской часовне на Стеклянном заводе, за Александрово-Невской лаврой. Умиравший мальчик уговорил сестру отвезти его 6 декабря в эту часовню. Там произошло чудесное исцеление отрока, взбудоражившее

весь Санкт-Петербург. Молва об этом событии разнеслась не только по столице, но и по всей России. К Грачёвым потянулись желающие узнать подробности происшедшего чуда. Екатерина просила нигде не печатать об этом. Однако 8 апреля 1891 года в «Церковных ведомостях» (ст. Н. Троицкого «Чудо милости Божией») было подробно напечатано об исцелении Николая Грачёва. Появились статьи в газетах «Свет» и «Петербургский листок», а также небольшая заметка в немецкой газете «Херольд».

Настоятель монастыря Троице - Сергиева пустынь архимандрит Игнатий (Малышев, 1811-1897), узнав о чуде, в марте 1891 года выкупил дом на Белозерской улице, где проживали Грачёвы, дабы сохранить в святости место явления Пресвятой Богородицы.

Купив дом, о.Игнатий сразу же освободил комнату, где исцелённому было явление Богородицы, повесил в ней образа, поставил аналой и большой подсвечник. В эту комнату был сделан отдельный вход с улицы. Архимандрит Игнатий часто приезжал туда служить молебны. Екатерину Грачёву он назначил управляющей домом и записал её членом Императорского человеколюбивого общества по отделу регистрации бедного населения Петербурга. Она занялась обследованием жилищ бедняков и увидела перед собой совершенно иную жизнь. Вскоре Екатерина записалась и в члены Общества помощи бедным и больным детям.

Доход от дома был невелик. После уплаты кредитных взносов все деньги в основном шли на бедных. Екатерина по совету о. Игнатия днём ходила по бедным, а вечером учила детей, которым учение давалось с трудом, а денег на репетиторов у родителей не было. Её брат после исцеления серьёзно принялся за учение. Осенью 1891 г. он поступил в рисовальную школу Общества поощрения художеств.

Отец Игнатий задумал на месте явления Богородицы построить большой храм, а при нём приют для несчастных детей-страдальцев, каким был прежде Коля Грачёв. Однако голод в южных губерниях и тяжёлая болезнь Государя помешали осу-

ществлению этого плана.

Екатерине Грачёвой по роду своей новой деятельности приходилось сталкиваться с больными детьми, которых никуда невозможно было определить. Умственно отсталые, не представлявшие ни физической, ни политической угрозы для окружающих, власти не интересовали. Общество относилось к ним, как к «божьим людям», терпимо, однако ими никто не занимался.

Отец Игнатий благословил Екатерину на помощь больным детям в память исцеления брата и предложил создать для них приют. 5 сентября 1894 года Е. Грачёва записала в дневнике: «Архимандрит Игнатий дал для начала 150 руб. От соседней квартиры велел присоединить к моей одну комнату». Священный Синод благословил доброе начинание и принял решение (1894 г.) учредить церковный приют для детей-идиотов и припадочных по адресу: Санкт-Петербург, Петербургская сторона, Большая Белозерская улица, дом 1. Так стараниями архимандрита Сергиевой пустыни и Екатерины Грачёвой в России было положено начало попечению об умственно отсталых.

Сохранился дневник Екатерины Константиновны Грачёвой «36 лет среди больных детей» и её воспоминания, на которые я и буду опираться.

Свою работу Екатерина Константиновна начала с выхаживания двух девочек – Тани и Шуры. Обратимся к её воспоминаниям: «Восьмое октября (1854 г.). Как я хорошо помню этот день, столь знаменательный в моей жизни! Накануне я все разложила, приготовила для приема детей и, довольная, пошла спать. Вдруг напал на меня страх, сомнение... Была минута, когда я решила от всего отказаться и опять жить для брата, как обещала отцу... Помолясь, вернулась успокоенная: ведь в память исцеления брата принимаюсь я за этот труд.

Едва успела поесть, как приехала М. К. К. – первая жертвовательница, привезла хлеб, соль и провизию. Подсчитали мы с ней капитал для открытия приюта. Издержано было на устройство вместе с ремонтом 110 рублей, значит осталось 40 рублей».

В дневнике Екатерина Грачёва сделала

следующую запись (15 октября о дне 8 октября): «Около 2-х часов принесли Шуру (7 лет) – что за несчастное существо! Руки переломаны, ножки сведены, слепая, глухая, немая... Пока няня приготавливала ванну, я хотела Шуру напоить молоком, но молоко выливалось изо рта... Когда Шуру купали, она жалобно стонала, но когда ее уложили в теплую постельку, покрыли ватным одеялом и белым пикейным, дали рожок с теплым молоком, она скоро уснула... Вскоре привели Таню (10 лет): она так кричала, что мы вышли на лестницу встречать «дорогую гостью». Как трудно было ее стричь и мыть, два раза из ванной выскочила. На новое платье внимания не обратила. Суп пролила. Макароны с сахаром понравились, сразу успокоилась. Куклу бросила. Держит в руках сладкую булку, смотрит на нее и улыбается...».

Запись от 24 ноября: «Я получила на именины самый лучший подарок: вчера вечером мне принесли девочку Иню – ей 5 лет. Какая она миленькая, но несчастная, сидеть не может, ножки сведены, постоянные подергивания рук и ног, личико прехорошенькое... Какая она запуганная... Как я буду ее любить – беречь. Что я написала?! – Это будет несправедливо: я должна ко всем равно относиться».

30 ноября: «Семья моя увеличилась. Привезли новую девочку Катю... Рослая, сильная, боюсь, что она будет обижать детей. Как дико озирается она по сторонам (она глухонемая), от еды отказалась, встала в угол, от всех отвернулась, но когда мы ушли, быстро съела все, что на табуретке около нее положили».

3 декабря 1894 года состоялось торжественное открытие и освящение приюта. На его воротах была помещена надпись «Приют основан архимандритом Игнатием для детей идиотов и эпилептиков».

В этот день Екатерина Константиновна записала в дневнике: «Торжественный день – открытие приюта. Было много гостей – благотворителей. Привезли сладкое, куски ситца, бумагеи на белье, игрушек. Всего надолго хватит. Сладким думаю поделиться с приютом детей-калек, там тоже несчастные

дети. Скоро будет Рождество – устрою елку, позову бедных детей, порадую их. Жаль, что мои ничего не могут клеить, вырезать для елки, – это такое веселое занятие!»

1 января 1895 года: «Все сегодня говорят: “С новым годом, с новым счастьем”, я так счастлива, что иного счастья мне не надо: детки мои, милые детки около меня. А сколько их будет в будущем году – 7 или 10. Больше не надо: тогда это будет уют, а не родная семья, да и не справлюсь я с большим числом детей».

23 февраля: «... Я считаю необходимым каждый день хоть одну девочку брать на улицу, на прогулку. Это им доставляет удовольствие, а главное развивает».

2 марта: «От новой няни мало помощи. Сама она любит в игрушки играть. Старшая няня на нее сердится, а мне жаль несчастную сироту... Надо было бы ее грамоте поучить, заодно и с Наташей начать заниматься. А можно ли чему-нибудь Таню учить? Что делать с глухонемой Катей? Как она наблюдательна. Как хорошо она понимает мимику и жесты. Хотелось бы мне поехать в училище глухонемых, узнать, как и чему там учат. Но пустят ли?»

6 марта: «Купила книги, тетради, карандаши. Завтра начну правильные занятия – дети рады».

10 марта: «Ну и ученицы у меня! Таня 2 тетради разорвала и громко кричала, когда ей помешали есть бумагу. У Наташи эти дни частые и сильные припадки».

1 февраля 1896 года: «Знакомая кухарка рассказала, что на Песках живет девочка, совсем дурочка. На привязи, под столом. Я, конечно, поспешила поехать ее посмотреть...». Так в приюте появилась девочка Мотя.

25 апреля: «Хорошо мы Пасху справили, ничего покупать не пришлось. Благодаря Моте всего много прислали... даже как-то неловко делается, уж очень у меня всего много, у меня лежит, а другие нуждаются. Съедобным я с приютом калек поделилась, а о вещевых пожертвованиях колеблюсь: а вдруг я детками разбогатею? Да и удобно ли будет, если жертвователи данный мне ситец или бумагею на других детках увидят?»

1 августа: «Приступлено к ремонту большой квартиры. Как хорошо, просторно будет детям. А главное можно будет отделать полных идиотов и припадочных. Занятия тогда пойдут более правильно. Ах, занятия! Как они меня беспокоят. Так много хотелось бы дать детям, но познания мои так малы. Даже городские учительницы – опытные люди по преподаванию – ничего посоветовать не могут. Никакая методика не подходит к моим деткам – все слишком трудно! Игрушки быстро ломаются. Игры – дороги и мало их интересуют».

5 сентября: «Ездил в Эммануиловский приют, хотела посоветоваться о воспитании детей. Только день даром потеряла. Сказали: «Надо наказывать». Нет, никогда я не соглашусь с этим. Как можно наказывать больного ребенка? Неужели еще наказаниями я их буду мучить? Нет, никогда! Пусть хоть детство у них будет радостное. Светлым воспоминанием останется оно для них: кого придется переводить в больницу для душевнобольных, где они до смерти будут лишены свободы».

Е. Грачёва вспоминала: «Отец архимандрит Игнатий привлекал много жертвователей: своих духовных детей, из купечества и сильных мира сего. Нас часто навещали, приносили провизию, жертвовали одежду, белье, игрушки. Но завтрашний день приюта не был обеспечен. Когда я указывала о. архимандриту на это, он всегда отвечал одно и то же: “Не беспокойтесь, Царица Небесная прокормит и оденет их”. Число детей возрастало».

16 мая 1897 года о.Игнатий скончался, оставив дом приюту. Екатерина Грачёва лишилась верного соратника и покровителя.

Несмотря ни на какие трудности Екатерина Константиновна упорно продолжала разрабатывать методику обучения больных детей. 1 июля 1897 г. она делает следующую запись в дневнике: «У меня будет помощница – опытная – жила бонной много лет. Я буду более свободна и начну подготавливаться к зимним занятиям. Надо заготовить много работ, нарисовать, проколоть, вырезать. Горьким опытом я убедилась (много денег даром потратила), что все то, что продается в изящных коробочках, красиво разло-

женное, не годится моим деткам: материала мало, рисунки слишком трудны».

3 июля: «Опять ездила с детьми кататься. Сколько радости. Мне говорят, что я напрасно деньги трачу. Ездят люди в театр, покупают дорогие наряды, почему же я не могу себе доставить удовольствие? Радость детей – моя радость».

Ежедневная игра в большой мяч оказалась очень полезна: дети, не умеющие ничего в руках держать, теперь меньше посуды бьют и обливаются. Как хотелось бы мне гимнастику тоже правильно поставить. Но не фельдфебеля же на помощь звать! Говорят, что у меня слишком много затей: дети сыты, живут в чистоте и тепле, не обижены, чего же больше? Разве это все, что нужно человеку? Но что и как? Увы! Я не знаю и некому меня научить! Для слепых и глухонемых есть учреждения, а несчастные идиоты и припадочные забыты... Конечно, Шуру ничему не выучишь потому, что она слепая, глухая, немая. Но Наташу, Веру и Иню обидно не учить, но как? Все книги слишком трудны для них. А как дети знают часы занятий после утреннего чая. Миша тащит большой мяч и дергает меня за платье, пока я не встану перед ним. Со слабыми отдельно бросаю мяч (Наташа или Катя держат им руки). Потом составляем круг – я посередине – кидаю мяч всем по очереди, многие уже знают, когда кому ловить...».

5 августа: «Занятия идут хорошо: от 9 до 12 читаю, пишу и считаю со старшими, с каждой воспитанницей отдельно. Все занимаются очень охотно. Недавно зашла городская учительница М.А.Л. Она была очень удивлена: “Да у вас настоящий класс, только маленький и особенный” (всего 10 человек). Каждый делает свое дело. Вместе учиться они не могут, потому что все разные по развитию и успехам».

25 ноября: «Вчера многие приехали меня поздравить (мои именины). Детям было то же угощение, что и для гостей. Многие нашли, что это лишняя трата денег. Но я не знаю семьи, где бы детям давали худшую еду. Напротив, если люди даже небогаты, они стараются деткам дать получше, то, что подороже. Почему же мои детки исключение?»

Говорят, что я их слишком балую. Но ведь пока это не приют, а моя семья».

Уже в 1896 году Е. Грачёвой удалось организовать квалифицированную медицинскую помощь детям, наладить регулярные осмотры. Консультантами приюта стали видный российский учёный в области психиатрии В.М. Бехтерев, врачи Б.В. Верховский, С.А. Раппопорт, С.А. Тривус, Е.Ф. Фридман. Вскоре к ним присоединяется известный сурдопедагог А.Ф. Остроградский, обучавший Грачёву работе с глухонемыми.

24 октября 1897 г. в приюте была освящена часовня «Всех скорбящих». 1 сентября 1898 г. часовню освятили как церковь и приписали её к соседнему Введенскому храму. Двухъярусный иконостас и утварь пожертвовала Троице-Сергиева пустынь. Хоругви и сень вышили воспитанники приюта.

В мае 1898 г. Екатерина Константиновна пригласила в приют двух городских учительниц и членов Общества помощи бедным и больным детям и устроила своим воспитанникам экзамен. Все присутствующие были поражены: никто не верил в возможность обучения таких детей. После экзамена одна из учительниц высказала мысль о необходимости организации школы для умственно отсталых и припадочных детей. «Первых исключают, - писала Екатерина Константиновна в своём дневнике (5 апреля 1898 г.), - вторых не принимают в школы. Но двое высказали мнение, что такую школу открыть нельзя, потому что в ней не будет учеников - "кто захочет поместить своего ученика в школу для дураков?". Но мне очень нравится эта идея. Есть ли такие школы за границей?».

Создание школы осложнялось отсутствием подготовленного персонала. Екатерине Константиновне посоветовали обратиться за помощью в женский монастырь, что она и сделала. Из Вышневолоцкого женского монастыря ей прислали восемь послушниц. В августе 1898 года первая в России школа для умственно отсталых детей была открыта. Приют был переименован и стал называться «Приют во имя Царицы Небесной».

Школа имела 1, 2 и 3 классы. Уже в 1899

году работы воспитанников Грачёвой на ремесленной выставке в Петербурге были отмечены почётными грамотами.

За девять последующих лет через три класса школы Е.К. Грачёвой прошли 134 ребёнка в возрасте от 9 до 12 лет. Школа обрела известность, Городская школьная комиссия установила ей ежегодную субсидию в размере тысячи рублей. В мае 1899 года школе была пожертвована земля в Полюстрово под летнюю дачу.

10 мая 1900 года Екатерина Константиновна записала в дневнике: «Дети переехали на дачу: 10 человек живущих и 10 приходящих, из них 10 девочек и 10 мальчиков. Выбрали тех, кто может поправиться. Жаль остальных! Я буду 1-2 раза в неделю ездить на дачу, отвозить грязное бельё и привозить чистое. Об этом было много разговоров: прилично ли начальнице грязное бельё возить... Что же еще человека посылать? А извозчик берет за поездку 2 руб. И так поездки дорого стоят будут. Добрые люди дают на больных детей деньги - надо быть очень экономной. Никакой труд не может быть унижен».

В 1900 году при активном участии Екатерины Константиновны было основано благотворительное общество «Братство во имя Царицы Небесной», которое возглавила графиня Ольга Дмитриевна Апраксина, с целью основания в России приютов для идиотов, эпилептиков и тех калек, которых не принимают в другие учреждения. Братство состояло в ведении Санкт-Петербургского митрополита. Его членами стали многие известные люди - К.П. Победоносцев, протоиерей Философ Орнатский, отец Александр Рождественский, все настоятели Троице-Сергиевой пустыни, отец Иоанн Кронштадский. Приют Грачёвой перешёл в ведение Братства.

В октябре 1900 года Екатерина Константиновна открыла курсы сестёр-нянь, которые должны были работать с детьми-идиотами и эпилептиками. Слушательницами курсов были послушницы монастырей. Первый выпуск сестёр-нянь состоялся в июне 1902 года. Тогда же Екатерина Константиновна выпустила первое в России ру-

ководство по работе с глубоко отсталыми детьми и эпилептиками «Беседы с сестрами-нянями о воспитании и развитии детей-идиотов и эпилептиков».

В 1901 году на Белозерской, по соседству со старым приютом, началось строительство нового каменного четырёхэтажного здания.

15 сентября 1902 г. Грачёва записала в дневнике: «Освящение нового дома. В I этаже слабое отделение для полных идиотов и для беспокойных, во II этаже – канцелярия и Фребелевское отделение (для воспитанников, умеющих говорить и не представляющих социальной опасности). Хорошо, свободно, есть, где детям побегать. В III этаже – школа и ремесленное отделение, в IV этаже – столовая сестер и их спальни. Через лестницу – большая кухня, где часть кушаний будет приготавливаться паром. Отдельный ход в большую прачечную с паровым бучильником для дезинфекции белья больных. Большая паровая сушильня, белье сушится в 2 часа, что очень важно для нас при массе неопрятных больных. Рядом большая бельевая и гладильня. В них можно будет приучать старших девочек полезному труду. Есть своя баня и души с холодной, теплой и горячей водой для водолечения. На всех лестницах устроены предохранительные сетки. Часто, стоя у окна, я смотрела, как быстро росли стены нового дома! Все предусмотрено, все сделано, чтобы детям хорошо в нем жилось, но где я найду много добрых людей, которые будут любить и жалеть моих несчастных деток?.. Вспомнила я слова московского доктора М... Он рассказал мне много интересного о заграничных учреждениях, а на прощанье сказал: “Много видал я различных учреждений, некоторые роскошно обставлены, с мраморными ваннами, массой пособий, но нигде не видал я таких веселых детей, как у вас”. Это лучшая похвала, которую я слышала за время моей работы. Отныне я ставлю мерилom моей работы – НАСТРОЕНИЕ ДЕТЕЙ. Они веселые, довольные – все хорошо. Если раздражены – надо узнать причину и немедленно изменить то, что их раздражает. Весь инвентарь был обновлен. Куплено много нового.

Заготовлена масса белья и одежды. Все, что можно было, шили дети. Они получили ту же плату, что в «Доме трудолюбия». Это имело громадное нравственное влияние, доказало им, что и они могут быть полезны даже своей семье (Наташа заплатила 3 руб. за угол больной матери). “Теперь мы настоящие люди!” – сказал Сережа, когда принес своей матери 15 коп., свой первый заработок...».

1 октября: «Не успела я отдохнуть, вернее, вполне устроить новый дом, как пришлось спешить в Курск – на открытие приюта. При психиатрической больнице в селе Сапогово нам дали квартиру на 30 детей (в 1903 г. приют был переведён в Курск)».

15 октября: «Вернулась в Петербург. Все благополучно. Дети ведут себя хорошо: берегут мебель и одежду, друг другу напоминают, чтобы царапин и пятен не было (все выкрашено белой краской), если прольют, спешат вытереть. Хорошая просторная обстановка и одежда являются хорошим лекарством – лучше брома успокаивает».

31 декабря: «Опять году конец! Как быстро время летит! Этот год был очень хороший. Принято 35 новых. Благодаря обширному помещению и хорошей обстановке, удалось их хорошо разместить, тщательно распределить, что сразу приучило новых детей к порядку и ввело в колею. Те дети, которые дома были «невозможны», сразу делаются спокойнее».

В 1903 году был открыт первый дом приюта в Райволо на 50 детей. В том же году Грачёва добивается открытия приюта на Белозерской амбулатории, которая исполняла функции диагностического центра. Амбулатория также оказывала бесплатную медицинскую помощь «нервно больным детям» Петербурга. Приём вели В.М. Бехтерев и молодой доктор А.С. Грибоедов. Накануне Первой мировой войны амбулатория превратилась в ведущий в России центр медицинского, психологического и педагогического изучения детей с отклонениями в развитии.

9 июня 1903 г. Екатерина Константиновна записала: «Как у меня теперь много дела! Раз в неделю я езжу в Райволо, там ночью, раз в Полюстрово. На Белозерской

тоже много дела... Летом я была в Швеции. Сколько нового, интересного я там видела для калек. Как прекрасно там поставлено это дело. Но для идиотов мало сделано. Приобрела образцы ручного труда. Думаю все расставить в стеклянном шкафу – это будет начало музея пособий, о котором я давно мечтала. Оборудованы две мастерские: ткацкая и столярная. Пришлось много поработать и на выставке «Детский мир» (в бывшем дворце Потемкина). Какая интересная выставка! Многочему можно на ней поучиться! Я в рассказчика превратилась. Ежедневно много раз рассказываю на выставке все одно и то же о необходимости занятий с отсталыми детьми. Как мало знают этих детей, какие странные вопросы мне задают!»

На международной выставке «Детский мир» выставлялись работы воспитанников приюта Е.К. Грачёвой. Они были отмечены высшей наградой – почётным дипломом. Самой Екатерине Константиновне была присуждена Золотая медаль. В 1904 году работы воспитанников приюта были отмечены почётными дипломами на международной гигиенической выставке в Париже.

В 1905 году был открыт приют в Москве и построен ещё один дом в Райволо.

Николай Грачёв, который в 1901 году принял постриг в иеромонахи в Троице-Сергиевой пустыни, с 1906 года стал служить в церкви приюта, которым управляла его сестра.

В 1906 году Екатерина Константиновна записала в дневнике: «Памятный для меня год. Моя мечта осуществилась. Я ознакомилась с заграничными учреждениями, даже дежурила в учреждении доктора Бурневиля, близ Парижа. Все, мною виденное, подробно мною описано... много полезного и интересного я видела. Много по возвращении было мною применено. Музей пособий значительно расширен привезенными мною образцами, а по зарисовкам сделаны пособия в нашей столярной мастерской. Жаль, что нельзя их пустить в продажу. Говорят, что никто их покупать не будет, а, по-моему, они очень пригодились бы для младших детей...

В Москве и Курске число детей и

жертвователей увеличивается. Как много добрых людей на свете!».

Согласно дневниковым записям Екатерины Грачёвой, в 1907 году были изданы две её работы - «Приюты-школы для детей-идиотов и эпилептиков в Швеции, Франции и Германии» и «Руководство по занятиям с отсталыми детьми и идиотами».

Екатерина Константиновна стала также пионером нового для России специального обучения слепоглухонемых детей. Её брошюра «Первый отчет учреждения для слепоглухонемых в Германии (в Нововесте) за 1906-1907 гг.» открыла список отечественных публикаций по проблеме слепоглухонемоты.

В том же 1907 году были открыты приюты в Вятке и Переславле, расширились приюты в Райволо и Москве. Дело призревания умственно отсталых детей начало принимать общественный масштаб.

Между тем, Екатерину Константиновну в приюте на Белозерской начали откровенно травить, так как она всячески препятствовала хищениям со стороны служащих. Дошло до того, что её после пережитого нервного срыва объявили «ненормальной» и даже хотели упрятать в сумасшедший дом. В декабре 1910 года она перешла на работу в Мариинский приют на станции Удельной, где председателем правления работала знакомая родителей Екатерины и Николая Грачёвых. Там Екатерина Константиновна смогла применить весь свой накопленный опыт. Она наладила учебные и гимнастические занятия. Дети работали на огороде, ухаживали за птицей и домашними животными. Одновременно она продолжала оказывать организационную помощь приюту на Белозерской и Эммануиловскому приюту.

Николаю Грачёву также несладко пришлось в приюте на Белозерской, в конце концов, выжили оттуда и его. Он вернулся в Троице-Сергиеву пустынь, где служил сначала ризничим, а затем отказался от должности и стал рядовым иеромонахом.

Годы Первой мировой войны и революционных потрясений приюты Братства, где призревало в общей сложности около 500 воспитанников, переживали очень тяжело. Умственно отсталые дети гораздо тяжелее переживают голод, чем обычные. Многие дети умирали от истощения.

После революции советская власть реорганизовала систему призрения и обучения умственно отсталых детей, они были взяты под государственную опеку. Однако проблема любви и сочувствия к больным детям решается не властными структурами, а носителями милосердия, которые, слава Богу, были, есть и будут во все времена.

Екатерина Константиновна активно участвовала в организации учреждений нового типа для больных детей в Петроградской губернии, занималась подготовкой персонала для работы с аномальными детьми. В 1918-1920 годах она состояла лектором петроградских краткосрочных педагогических курсов по подготовке работников учреждений для детей с нарушениями в развитии.

Вероятнее всего, в 1920 году умер многоболевший Николай Грачёв. Его похоронили в Сергиевой пустыни на монастырском кладбище. Так закончился жизненный путь человека, положившего своим чудесным исце-

лением начало делу обучения и воспитания глубоко умственно отсталых детей в России. Трудная ему выпала доля, но он свой крест нёс достойно и по-христиански. Екатерина Грачёва оставила воспоминания о своём брате «Сеющи слезами, радостью пожнут».

Вплоть до 1929 г. Екатерина Константиновна продолжала работать в бывшем Мариинском приюте, преобразованном сначала в Мариинскую вспомогательную школу, а затем в детский дом № 55.

В 1929 году бывший Мариинский приют был объединён с бывшим Эммануиловским – образовался детдом № 54. Большой каменный дом забрали под школу для нормальных детей, а детдомовцев перевели в 3 старых дома 155-й школы.

Екатерина Константиновна в 1929 году по состоянию здоровья вышла на пенсию. Будучи на заслуженном отдыхе, она продолжала помогать ставшему ей родным детскому дому и готовила к изданию книгу «Воспитание и обучение глубоко отсталого ребенка». В этой книге, вышедшей в свет в 1932 году с предисловием выдающегося психолога А.С. Выготского, она подвела итоги своей многолетней работы с больными детьми. Выготский дал высокую оценку деятельности Е. К. Грачёвой, проповедовавшей педагогический опти-

мизм по отношению к глубоко умственно отсталым детям.

Последняя запись в дневнике Екатерины Константиновны Грачёвой называется «О детях»: «Немного деток у меня поправилось! Думаю, что выздоровевших у меня совсем не должно было быть. Это те, которые неправильно попали ко мне. “Мои детки” – глубокой умственной отсталости, все неизлечимо больные. Прочитав эти печальные строки, многие вероятно подумают: “какой напрасный, бесплодный труд”. Мне не раз приходилось слышать, что “эти дети – бремя для государства, их надо уничтожать, беспробудно усыплять”. Однако обязанность наша ухаживающих за ними – облегчать страдания одних, других сделать насколько возможно трудоспособными. Труд в мастерских и сельскохозяйственный – для многих доступен, но темп труда должен быть значительно медленнее, чем у здоровых. Новое направление школы меня интересует, думаю, что часть моих деток была бы способна к чисто механическому труду на станках с предохранителями.

Вчера 9. III. 32 г. мне рассказали, что 54 детдом переходит в Собес. Не хочу думать, что моих деток будут только призывать. Приучите их к работе, дайте им посильный труд и разумные развлечения, но не полную свободу, которая их губит».

Умерла Екатерина Константиновна в 1934 году, её могила неизвестна. Вероятнее всего, она похоронена на Смоленском кладбище рядом с родителями, однако, никаких опознавательных знаков её могилы на участке Грачёвых нет.

В современном Петербурге сохранилось здание приюта на бывшей Белозерской (ныне на углу Большой Пушкарской и ул. Воскова). Оно теперь принадлежит музыкально-педагогическому колледжу. В Москве именем Екатерины Константиновны Грачёвой назван 102-й учебно-воспитательный комплекс для детей с нарушением умственного развития. Руководство этого учреждения мечтает о создании музея Екатерины Грачёвой – тёти Кати, как звали её питомцы. Бог вам в помощь в этом благородном и нужном деле. А

Использованная литература

1. Е.К. Грачёва. «Сезоны слезами, радостью пожнут» - воспоминания о иеромонахе Николае (Грачеве) // *Духовный собеседник*. - № 4 (32). - 2002.
2. Х.С. Замский. *Умственно отсталые дети. Приложение – дневник Е. К. Грачевской*. - М., 1995.
3. Н.Н. Малофеев. *Знаменитая петербурженка – Екатерина Константиновна Грачева (тетя Катя)*.